ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА

УДК 342.56

КОНСТИТУЦИОННАЯ ПРИРОДА ТРЕТЕЙСКОГО СУДА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Бенедская О.А., адвокат, советник коллегии «Муранов, Черняков и партнеры», докладчик МКАС и МАК при ТПП РФ, г. Москва, Российская Федерация, *o.benedskaya@rospravo.ru*

В статье раскрываются концептуальные основы понимания третейского суда в системе современного конституционализма, его категориальное и ценностное значение. Рассматриваются взаимосвязи третейского разбирательства с основами конституционного строя, соотношение третейского суда с институтами публичной власти и гражданского общества. Обосновывается на основе правовых позиций Конституционного Суда РФ, что третейский суд, не подпадая под признаки судебной власти, имеет автономную конституционную ценность как институт юрисдикционной самоорганизации в рамках гражданского общества, который примыкает к системе правосудия и способствует повышению его роли в разрешении правовых споров. Автор исходит из того, что третейский суд интегрирован в систему судебного конституционализма и призван обеспечивать прямое действие и верховенство Конституции РФ, реализацию горизонтального эффекта конституционных прав. Предлагается предоставить третейскому суду право на обращение с запросом в Конституционный Суд РФ, наравне с государственными судами.

Ключевые слова: конституционализм, правосудие, судебная власть, третейский суд, гражданское общество, альтернативные способы защиты прав

DOI: 10.21779/2224-0241-2018-26-2-51-55

UDC 342.56

THE CONSTITUTIONAL NATURE OF ARBITRATION: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

Benedskaya O.A., attorney, counselor of «Muranov, Chernyakov and partners» law firm, speaker of the ICAC and MAC at the RF CCI, Moscow, Russian Federation, *o.benedskaya@rospravo.ru*

The article reveals the conceptual basis of understanding of the arbitration in the system of modern constitutionalism, its categorical and value content. The article considers the relationship of arbitration proceedings with the foundations of the constitutional system, the ratio of the arbitration with the institutions of public power and civil society. It is stated on the basis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation that the arbitration (not falling within the category of the judiciary) has an autonomous constitutional value as an institution of jurisdictional self-organization within the civil society being an adjacent element of the legal system and contributing to the greater influence of the arbitration on resolution of court disputes. The author proceeds from the fact that the arbitration is integrated into the system of judicial constitutionalism and is designed to provide direct action and supremacy of the Constitution of the Russian Federation, the implementation of the horizontal effect of constitutional rights. It is proposed to grant to arbitration courts the right to make requests to the constitutional Court of the Russian Federation, on an equal basis with the state courts.

Key words: constitutionalism, justice, judiciary, arbitration, civil society, alternative remedies.

DOI: 10.21779/2224-0241-2018-26-2-51-55

Третейское разбирательство относится к общепризнанным в современных правовых обществах формам разрешения юридических споров и защиты прав. Для России, как справедливо замечено, альтернативное правосудие – дело естественное, «почвенное», а не чужеродное [1, с. 185]. По мере усложнения гражданского сообщества объективно усиливается юридическая коллизийность, и

наличие третейских и иных подобных институтов отражает необходимую дифференциацию юрисдикционных отношений, неофициальные формы проявления которых становятся все более востребованными [2, с. 114]. Возрастает потребность государства в обеспечении развития непублично-властных юрисдикционных институтов и их интеграции в общую систему мер, направленных на

умиротворение общества путем урегулирования возникающих правовых споров, конфликтов. Дифференциация форм юрисдикционной деятельности с ориентацией на усиление корпоративно-общественного, третейского элемента соотносится с присущими современному конституционализму тенденциями расширения начал субсидиарности и самоуправления, смещения акцентов в пользу методов инициирования, активизации, стимулирования общественной активности в системе управления делами государства и общества.

Юридическое осмысление природы, развития третейского суда не может замыкаться в узкоотраслевых пределах, а должно быть увязано с имеющими, прежде всего, конституционно-правовое значение характеристиками третейского разбирательства в его соотношении, с одной стороны, с правосудием, а с другой – с самоорганизацией гражданского общества. Немаловажно, что само конституционное право, по мысли проф. С.А. Авакьяна, сохраняя свою адресную связь с государством, во все большей мере становится правом общества [3, с. 3]. Речь идет о том, что конституционное право гармонизирует публичные и частные начала в правовой системе государственно-организованного общества, служит ценностно-нормативной основой, в том числе для развивающихся в системе гражданского общежития инструментов самоуправления, саморегулирования, самоконтроля. Разумеется, это не может не отразиться на состоянии судебной сферы, правосудия, в которой можно наблюдать активное проникновение непосредственно-общественных элементов (что соотносится с общей логикой ч. 4 ст. 32 Конституции РФ), и одновременно можно говорить о развитии юстиционной составляющей в институционной структуре самого гражданского взаимодействия. Не случайно в системе действующего законодательства разрешение споров и конфликтов отнесено к числу основных институциональных целей, ради достижения которых возможно создание некоммерческих организаций (ч. 2 ст. 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях»)*.

В отсутствие прямого терминологического закрепления третейского разбирательства в Конституции РФ можно говорить об имплицитном типе конституционного опосредования третейских отношений. Это подтверждается интерпретационно-нормативными правовыми позициями Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ), отражающими официальные итоги юрисдикционного познания Конституции РФ в системной связи с конституционными реалиями и законодательно-нормативным контекстом. Вопросы третейского разбирательства предметно затрагивались, по меньшей мере, в 27 решениях КС РФ, включая два постановления.

* См.: О некоммерческих организациях: федер. закон Рос. Федерации от 12 янв. 1996 г. № 7-ФЗ: в ред. от 5 февр. 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3, ст. 145.

Согласно подходам КС РФ: возможность разрешения гражданско-правовых споров посредством третейского разбирательства «основана на положениях Конституции», «расширяет возможности разрешения споров в сфере гражданского оборота»^{**}; при заключении контрактов с арбитражными соглашениями (оговорками) субъекты гражданско-правовых отношений, реализуя право на свободу договора, добровольно отказываются от разрешения споров государственным судом, самостоятельно назначая арбитраж и арбитров, и принимают на себя обязательства подчиняться правилам, регулирующим порядок оспаривания и исполнения арбитражных решений^{***}; исключение возможности оспаривания решения третейского суда в компетентный суд, если третейским соглашением предусмотрена окончательность такого решения, не может рассматриваться как нарушение конституционных прав участников третейского разбирательства, поскольку сохраняется возможность иного порядка последующей проверки арбитражным судом правомерности решения третейского суда^{****}; если решение третейского суда не отменено определением государственного суда и отсутствуют иные предусмотренные законом основания для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, то удовлетворение заявления заинтересованного лица о выдаче такого исполнительного листа является – в целях реализации конституционного права этого лица на судебную защиту – обязанностью государственного суда^{*****}. Именно конституционно-правовая методология, развиваемая, в том числе, посредством практики конституционного правосудия, должна лежать в основе выработки стратегии развития третейского разбирательства, организационных, функциональных, статусно-субъектных, процедурных и иных его аспектов.

Категория третейского суда должна рассматриваться как имеющая в основе конституционно-правовой характер. Это определяется воплощенными в ней ценностными началами урегулирования возникающих в условиях гражданского общежития правовых споров (конфликтов) посредством основанных на автономии воли, свободе договора и равноправии сторон форм юрисдикционной самоорганизации, которые, обладая институционной и функциональной самостоятельностью, примыкают к системе правосудия. Само правосудие

** См.: абзац восьмой пункта 2, абзац первый пункта 3 мотивиров. части Постановления КС РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 23, ст. 3356.

*** См.: абзац первый пункта 3 мотивиров. части Определения КС РФ от 15 мая 2001 г. № 204-О // Вестник КС РФ. 2002. № 1.

**** См.: абзац второй пункта 5 мотивиров. части Определения КС РФ от 1 июня 2010 г. № 754-О-О // Вестник КС РФ. 2010. № 6.

***** См.: абзац четвертый пункта 2 мотивиров. части Определения КС РФ от 17 июня 2013 г. № 982-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

дие стало результатом саморегуляции человеческого общества, неизбежным результатом общественного развития, как управление и власть [4, с.15]. Поэтому становление третейского суда (суда посредников) порой предлагается считать «первоосновой правосудия» [5, с.119]. Но с появлением государства правосудие институционализуется как монополярная публично-властная функция, происходит его публикация ради формального равенства, объективности и беспристрастности, судебная власть отпочковывается от частноэкономических отношений, становится общезначимой. При этом государственное правосудие не исчерпывает всех форм юрисдикционных отношений. Третейское разбирательство, имея свою специфику в соотношении с правосудием в традиционном смысле – как особой формы государственно-властной деятельности, тем не менее, по сложившейся практике европейского конвенционного и зарубежного конституционного контроля, может охватываться понятием суда, а государство не должно навязывать защиту прав посредством именно государственных судов.

КС РФ, не считая возможным причислять третейские суды к судам судебной системы Российской Федерации, исходит из связанности третейского разбирательства вытекающими из ст. 46 Конституции РФ и ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод принципиальными требованиями справедливости и беспристрастности как присущими любому судебному разбирательству, притом что право на судебную защиту обеспечивается, в частности, путем подачи заявления об отмене решения третейского суда либо о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда (абзацы девятый и одиннадцатый пункта 2 мотивировочной части постановления от 26 мая 2011 г. № 10-П). Это значит, что присущие третейскому разбирательству особенности, не позволяющие отождествлять его с государственным правосудием, определяют автономную ценность этого института в системе гарантирования прав и законных интересов участников правоотношений и, вместе с тем, служат основанием для оптимизации, повышения эффективности судебной системы.

Конституционная природа третейского разбирательства определяется триедиными сущностными характеристиками, имея в виду, что третейский суд выступает как: а) санкционированная государством и сопряженная с государственной судебной системой форма общественно-юрисдикционной деятельности; б) основанный на максимальной приближенности к общественно-деловой практике институт правообразования в виде актов индивидуального и прецедентного регулирования, воплощающих единство позитивно-правовых и естественных (обычных, традиционных) начал; в) медиативная (примирительно-согласовательная) форма юрисдикционной деятельности, ориентированная, в конечном итоге, на

сохранение отношений сотрудничества, партнерского взаимодействия между участниками разбирательства.

Традиционное причисление третейского разбирательства к так называемым альтернативным способам защиты прав следует раскрывать не в аспекте конкуренции с государственным судопроизводством, а исходя из их взаимодополняемости. Одним из важных факторов служит обеспечение рационализации судебно-властной деятельности в условиях нарастающей юридизации общественных отношений. Реалии зарубежной конституционной практики таковы, что развитие внесудебного урегулирования споров, медиации и других альтернативных механизмов, рассматривается в свете проблемы чрезмерного бремени, ложащегося на судебные институты, которое лишь осложняется в контексте расширения доступности и невысокой стоимости правосудия для заинтересованных лиц [6, с. 95].

Аксиологические характеристики третейского суда в его конституционном измерении в концентрированном виде проявляются на уровне его соотношения с основами конституционного строя. Третейское разбирательство укрепляет верховенство права приобщением к индивидуальному правовому регулированию не публично-властных субъектов и санкционированием складывающихся в гражданском общезнании представлений о праве; способствует вовлечению граждан и их объединений в демократическое участие в отправлении правосудия (притом что принцип демократии предполагает развитие необходимых для становления гражданского общества начал самоуправления и автономии в экономической сфере*); обеспечивает юстиционное сотрудничество граждан, повышающее взаимное доверие в духе социальной ответственности, а также может способствовать повышению эффективности защиты нарушенных социальных прав; служит юрисдикционным эквивалентом экономической свободы. Не входя в нормативное содержание принципа федерализма, третейское разбирательство стимулирует начала полицентризма в сфере правосудия и может выступать предметной сферой компетенционного взаимодействия различных уровней публичной власти.

Конституционная сущность третейского суда характеризуется осуществлением на инициативной основе содержательно родственной правосудию юрисдикционной деятельности, применительно к итогам которой действует режим ограниченной ответственности, унифицированный для арбитров и судей государственных судов (ст. 1070 ГК РФ, ст. 51 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Феде-

* См.: абзац шестой пункта 2 мотивиров. части Постановления КС РФ от 19 дек. 2005 г. № 12-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 3, ст. 335.

рации»^{*}. Этим предопределяются особенности соотношения в третейском разбирательстве частных и публичных начал. Не подпадая под понятие судебной власти и являясь в своей основе институтом самоорганизации в системе гражданского общества, третейское судопроизводство в то же время приобретает публичное (в известном смысле общественно-государственное) значение в силу официально признаваемого качества обязательности (а после прохождения установленных процессуальным законодательством процедур получения исполнительного листа – и принудительной исполнимости) его итоговых актов, принимаемых по вопросам права на условиях, не противоречащих фундаментальным принципам правосудия. Согласно правовой позиции КС РФ третейские суды действуют в качестве институтов гражданского общества, наделенных публично значимыми функциями (абзац второй пункта 7 мотивировочной части постановления от 26 мая 2011 г. № 10-П). Окончательность, обязывающие свойства решения третейского суда усиливаются в свете недопустимости, по общему правилу, принятия судом общей юрисдикции или арбитражным судом искового заявления при наличии состоявшегося решения третейского суда по тождественному спору (п. 3 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 127.1 АПК РФ). Надо полагать, что правовой эффект, оказываемый решениями третейского суда на государственные суды, должен включать в себя и преюдициальную силу, что соотносится с принципом добросовестности участников гражданского оборота, общностью основных начал и стандартов доказывания в гражданском судопроизводстве и третейском разбирательстве. Непризнание преюдициальности решения третейского суда в гражданском судопроизводстве ослабляет авторитет третейской процедуры и гарантии правовой определенности.

В связи с этим третейское разбирательство необходимо рассматривать как сферу реализации судебно-правовой политики государства, которое, не будучи вправе без серьезного и казуального обоснования отказать в применении третейской процедуры решения частноправового спора, правомочно определять пределы участия третейского суда в решении публично-правовых вопросов, не допуская при этом ни снижения уровня гарантий юрисдикционной защиты прав субъектов правоотношений, ни произвольного обусловливания осуществления публично-властных полномочий частноправовым соглашением. Не исключается, согласно позиции КС РФ, право законодателя определять – исходя из необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов – перечень видов споров, которые могут быть переданы на рассмотрение третейского суда, в зависимости от их социальной значимости, конкретных условий развития гражданского оборота и социально-

экономической системы в целом, укоренения правовых начал рыночного хозяйства, правовой культуры и других факторов, и вносить в этот перечень изменения^{**}. При этом поскольку осуществление одних конституционных прав не может ставиться в зависимость от соблюдения требования осуществления других конституционных прав, является недопустимым обусловливание вступления в материальные правоотношения дачей согласия на использование третейской процедуры защиты прав, если речь идет о затруднении доступа к правосудию, возложении на заинтересованное лицо, как слабую сторону в правоотношении, дополнительных обременений, включая материальные затраты^{***}. Нужно учитывать также, что в любом случае свобода договора имеет объективные пределы, которые определяются основами конституционного строя и публичного правопорядка, и недопустимо распространение договорных, третейских, отношений и лежащих в их основе принципов на те области социальной жизнедеятельности, которые связаны с реализацией государственной власти^{****}.

Будучи естественной и традиционной формой разрешения споров о праве, третейское разбирательство должно пониматься в свете конституционного императива признания государством сложившихся форм проявления свободы человека и его достоинства с учетом, так называемого, горизонтального эффекта, порождаемого действием прав и свобод человека и гражданина. Право на третейское разбирательство входит в конституционно-правовой статус личности, имея при этом комплексную конституционную основу: а) коррелирует с общим принципом юридической безопасности, создавая условия для самозащиты своих прав и свобод; б) интегрировано в систему судебно-процессуальных прав-гарантий, обеспечивая дополнительное гарантирование права на судебную защиту; в) служит юрисдикционно-гарантийным элементом механизма самоорганизации в рамках конституционного правопользования экономической свободой.

Посредством права на третейское разбирательство обеспечивается не только защита субъективных гражданских прав, но и непосредственное действие целого ряда основных прав и свобод человека и гражданина, которые составляют объективный конституционный правопорядок, определяющий и пределы усмотрения третейского суда. В силу ст. 2 и 18 Конституции РФ третейский суд не может давать защиту интересам, реализация которых по своему содержанию, формам, способам

^{**} См.: абзац третий пункта 2.2 мотивиров. части Определения КС РФ от 15 янв. 2015 г. № 5-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

^{***} См.: абзац второй пункта 4 мотивиров. части Определения КС РФ от 4 окт. 2012 г. № 1831-О // Вестник КС РФ. 2013. № 2.

^{****} См.: абзац четвертый пункта 2.2 мотивиров. части Постановления КС РФ от 23 января 2007 г. № 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 6, ст. 828.

^{*} См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1, ч. 1, ст. 2.

влечет нарушение конституционных прав. При этом третейский суд в полной мере подчинен принципу прямого действия Конституции РФ в режиме ее верховенства (ст. 15), и должен в одинаковой мере с государственным судом исходить из необходимости осуществления казуального нормоконтроля подлежащих применению нормативных правовых актов (ч. 2 ст. 120).

Можно утверждать, стало быть, что в современных условиях третейский суд является одним из существенных элементов судебного конституционализма, который определяется как политико-правовой режим судебного обеспечения верховенства права и прямого действия Конституции, безусловного гарантирования конституционных ценностей на основе баланса власти и свободы, частных и публичных интересов, единства социокультурных и нормативных правовых факторов развития России [7, с. 21]. Представляется в этой связи, что логике ст. 125 Конституции РФ, учреждающей КС РФ для защиты прав и свобод в их сопряжении с основами конституционного строя, соответствует наделение третейских судов, наравне с государственными судами, правом на подачу запроса в КС РФ, если третейский суд придет к убеждению, что подлежащая применению норма закона нарушает конституционные права.

Третейское судопроизводство, коррелирующее с правом на судебную защиту в аспекте ее

дополнительных гарантий, должно быть эффективным и реалистичным, а не иллюзорным, итоговые акты третейского суда должны рассматриваться в свете требования юридической исполнимости. Это предполагает, в частности, целесообразность закрепления за третейским судом полномочий самостоятельно, а не через содействие государственного суда (ст. 30 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», ст. 74.1 АПК РФ), получать необходимые доказательства (что соотносится как с самой природой правосудия, так и с недопустимостью вмешательства государственного суда в сферу автономии третейской процедуры). Необходимо также расширить возможности третейского суда распоряжаться о принятии принудительных мер по собственной инициативе, имея в виду, что принцип диспозитивности в данном случае реализуется через согласие с третейской оговоркой или заключение третейского (арбитражного) соглашения. Вместе с тем представляется оправданным наделение третейского суда правом самому обратиться в государственный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение вынесенного им решения, что само по себе не противоречит принципу «никто не может быть судьей в собственном деле», поскольку направлено на достижение общих целей правосудия.

Литература

1. Клеандров М.И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М.: ВолтерсКлувер, 2006.
2. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Правосудие: ориентация на Конституцию. М.: Норма, 2018.
3. Авакьян С.А. Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4.
4. Правосудие в современном мире / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Норма, 2017.
5. Кажлаев С.А. Достижение баланса частного и публичного интереса в третейских спорах // Журнал российского права. 2016. № 4.
6. Независимость, эффективность и качество правосудия: сравнительные перспективы // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 1.
7. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М., 2015.

References

1. Kleandrov M.I. Ekonomicheskoe pravosudie v Rossii: proshloe, nastoyashchee, budushchee. M.: VoltersKluver, 2006.
2. Bondar' N.S., Dzhagaryan A.A. Pravosudie: orientatsiya na Konstitutsiyu. M.: Norma, 2018.
3. Avak'yan S.A. Osnovnye tendentsii sovremennogo razvitiya konstitutsionnogo prava // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2017. № 4.
4. Pravosudie v sovremennom mire / pod red. V. M. Lebedeva, T. Ya. Khabrievoi. 2-e izd., dop. i pererab. M.: Norma, 2017.
5. Kazhlaev S.A. Dostizhenie balansa chastnogo i publichnogo interesa v treteiskikh sporakh // Zhurnal rossiiskogo prava. 2016. № 4.
6. Nezavisimost', effektivnost' i kachestvo pravosudiya: sravnitel'nye perspektivy // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. 2017. № 1.
7. Bondar' N.S. Sudebnyi konstitutsionalizm: doktrina i praktika. 2-e izd., pererab. M., 2015.

Поступила в редакцию 15 мая 2018 г.
Received 15 May, 2018